

Областную больницу до сих пор в народе зовут мопровской, хотя смысл этого слова давно у всех стёрся в памяти. Больница имени МОПРа (Международной организации помощи борцам революции) была в сороковые, считай, на краю города.

— Я там санитаркой работала. Осенью сорок первого в нашей мопровской много раненых лежало. Немцы как в Орёл вошли, так сразу их во двор и выкинули. Завтра, говорят, перестреляем.

Раненые лежали на октябрьской земле, и кадыки их судорожно ходили под кожей. Эти огромные беззащитные кадыки на худых шеях и сейчас перед глазами у Евдокии Ивановны.

— Ночью Владимир Иванович, наш главный инфекционный врач, сказал: "В задний барак их. Вон в тот, брошенный узенкий, в бордовой краске. Только тихо и быстро". За два часа снесли, человек шестьдесят, всех, кто был не безнадежный.

Внутри барака громоздились койки с общим полуметровым проходом-щелью, а снаружи появилась сделанная рукой самого Владимира Турбина надпись по-немецки: "Инфекционное отделение. Заразно".

— Немцы к этой надписи и близко не подходили. Но и дров не давали.

Зима сорок первого удалась морозами. Евдокия Фокина вместе со старшей санитаркой Абашиной пошла на поиски дров. Куда? Конечно, на Троицкое кладбище, за крестами. Всю другую топку горожане давно уже подобрали.

— Мёртвые живых протят... Но кресты стоят как влитые, все крепкие, дубовые, не вынешь. Отошли мы дальше, на пустырь, ну тот, где потом после войны завод "Диффузант" поставили. А там свежие кресты, берёзовые, на большом таком гвоздике, с палкой наперекосу...

Помнит: высокие белые кресты на высоком белом небе.

— Я охнула: "Это же немецкое кладбище!". Однако попробовала один крест — качается. Немцы, почитай, всю берёзу целиком вглубь вставляли, метра на два, и топтать не надо. Вынула я его, — молодая, здоровая, — волоку и радуюсь: "Тётя Поль, вместе с фрицем тащу!".

Старшая в испуге ругнула, обозвала Дунькой, заставила бросить: через дорогу этакое не потащишь, сразу видно, откуда. Пилить надо.

— Побежала к одному младшему санитару. Карандаш такой, грязнуля, но у него была пила. "Дай пилку!". "Зачем?". Так и не дознался, и не дал. Но я другую нашла, только к следующей ночи. Иду, думаю: "Спёрли мой крест". Нет, гляжу, лежит у обочины. Распилила и всю охапку в барак. И потом ещё

КРЕСТЫ

Фото Вячеслава МИТЮХИНА.

И ЗВЁЗДЫ

Фото Сергея МИРОНОВА.

два креста сняла.

Она сейчас сама дивится тому весёлому азарту, с каким ходила на немецкое кладбище за топливом — словно в соседский сад за яблоками.

— Сейчас бы ни за что не пошла, а тогда молодость и играла. Я и в следующую зиму крала. Помои в овраг нес, вылью, иду с пустым ведром мимо патрульного. Он мёрзнет, сам в каких-то ихних не то валенках, не то лаптях; отвернётся от ветра, а я из их кучки три-четыре колонных полена в ведро...

Эта следующая зима была уже не в бараке, а в "русской больнице", что стояла на месте нынешнего часового завода, вернее, его многоэтажной пристройки. Туда раненых из мопровского барака — аж за полтора километра — переносили скорбной звёздной ночью под видом умерших; а там им другие имена и легенды давали, мол, колхозник окрестный, даже справки выписывали.

— Немцы справку уважали. Под видом колхозника и лётчик Саша Гомзиков был. Упал он на парашюте возле Орла, по карте в лес полз, в траве прятался; а местные хотели ему помочь, да дураки ведь: ищут, кричат "вот он, вот он!". Немцы на шум примчались и полоснули по траве, ранили его, но так и не нашли. Только оба стёгна ему пробили.

Стёгна означает бёдра. Когда неходячего Сашу хирург Протопопов, первый

подручный Турбина, прооперировал, Фокина его на себе к кровати снесла и два кирпича на спинку койки привесила, чтоб ноги навзятку были.

На тех коечных спинках сохло и бельё раненых, где же ещё. А стирали его на

То как фельдшера, то как больного. Подсядет к кому и давай участливо так выпрашивать, с какой ты улицы родом, да кем до войны был, да что ж на дому так неосторожно поранился. Но солдаты были готовы: как начнут в ответ арапа заправлять!

Рядом с "русской больницей" стоял (вроде бы в доме нынешней вечерней школы) власовский батальон. Эти подлецы в немецкой форме спокойно подслушивали русскую речь, ловили любое неосторожное слово.

Но ни Турбина, ни Протопопова, ни Анфисову, ни супругов Рукановых (операционную сестру Надежду и фельдшера Ивана, золотых людей, по выражению Фокиной) враги так и не смогли уличить, не смогли распознать их тайную мис-

Дворянском гнезде.

— Согнусь у прорубки, ототру золой все эти кальсоны, отобью вальком, но кровь всё равно не отмывается; руки зашлись, круто не отождёмь, так и стоят рубахи в корыте дыбом, пока от мороза не отойдут.

Бойцы выздоравливали, тихо уходили к партизанам. Была у Сергея Протопопова медсестра Дарья Анфисова, она связь с партизанами держала. Иногда и отчаянную санитарку Фокину посылала отнести кому-то записочку.

— В калошу под пятку бумажку ту её положу и иду себе. Не знаю, как нас не разоблачили. Столько лазутчиков к раненым подпускали...

Поразителен подвиг орловского подпольного госпиталя, за два года спасшего около тысячи солдат.

После войны В.И. Турбин и его товарищи прошли через жёсткое недоверие, потом через неохотное признание. Сейчас о них пишут звёздные книги.

Есть такая книга у Евдокии Фокиной. В книге её портрет — той, двадцатитрёхлетней.

Сейчас Евдокии Ивановне восемьдесят восемь. Она живёт в областном Доме ветеранов в посёлке Добром, обласкана вниманием, любит печь блины и варить холодец к дням рождения всех своих соседей.

Юрий ОНОПРИЕНКО.

Недавно по инициативе председателя областного комитета ветеранов войны и военной службы А.И. Сухорукова была организована экскурсия в Болхов и на Кривцовский мемориал. В ней приняли участие ветераны Великой Отечественной войны и военной службы.

КОРОТКА ЛЮДСКАЯ ПАМЯТЬ...

Побывали в Болхове, подъезжаем к мемориалу... Не думал, что нам предстоит увидеть такую печальную картину. Тяжело об этом говорить, но Кривцовский мемориал находится в запустении.

А ведь я хорошо помню, как он строился. Дело в том, что в 1960-е годы я проходил службу в Болховском райвоенкомате. Наряду с непосредственными обязанностями заместителя райвоенкома в мои задачи входило выявление и регистрация взрывоопасных предметов. Их в то время находили очень много. Мы работали вместе с саперами.

Однажды в березовом лесу, недалеко от Кривцова, я увидел две насыпи. Земля вокруг них была ржавой от металла: диски от ручных пулеметов, траки от гусениц легких танков, патронташи. Местные жители рассказали, что там находятся захоронения советских воинов, погибших зимой 1942 года. Ранее считалось, что там похоронены немецкие солдаты, но один из жителей деревни был свидетелем тех событий. Он рассказал, что после наступления наши войска были окружены и практически полностью уничтожены. Тем, кто остался в живых, фашисты приказали похоронить погибших, а затем расстреляли.

Осенью 1967 года мы произвели вскрытие одного из захоронений. По сохранившимся фрагментам одежды и обуви определили, что здесь лежат наши воины. Нашли мы и медальон с надписью (привожу по памяти): "Рядовой 132-го кавалерийского полка Сидоренко, 1905 года рождения, родился и проживает — Краснодарский край, район, станица..."

В Генеральный штаб Вооруженных сил СССР мы направили письмо с просьбой сообщить: есть ли данные о боевых действиях в феврале-марте 1942 года на территории Болховского района Орловской области, а также о массовом захоронении наших воинов в районе села Кривцова.

И вот пришел ответ: "В феврале-марте 1942 года наши войска в составе (перечислялись части и соединения) прорвали оборону противника на фронте (от и до), углубились в направлении Болхова на 15 — 20 километров. Но в дальнейшем их действия успеха не имели". О захоронении ничего сказано не было. Мы пришли к выводу, что это захоронение наших воинов, погибших при проведении войсковой операции, и что необходимо его облагородить, поставить памятник.

Болховский райисполком, по нашему представлению, обратился в облисполком Орловской области с просьбой о выделении денежных средств. Просьба была удовлетворена, и весной 1968 года начались строительные работы по проекту архитектора, академика С.И. Федорова.

Работа по сооружению мемориала, по ряду причин, шла очень трудно, но, несмотря ни на что, была завершена. В сооружении комплекса принимали участие сотни людей, в том числе бывший военком Болховского района, участник Великой Отечественной войны подполковник А.П. Шаронов.

16 сентября 1970 года был открыт Кривцовский мемориальный комплекс. Прошло 36 лет. И теперь мы с болью увидели, в каком ужасном состоянии он находится. Неужели так коротка людская память? Неужели нельзя найти средства для того, чтобы восстановить эту святыню? Здесь лежат воины, погибшие в далеком 1942 году. Они сложили свои головы за Родину, за нас с вами.

Простите нас, погибшие воины! Вечная вам Память!

А.В. РАКИТИН.
Подполковник в отставке.